

Советский Союз и Германия в 30-е гг. XX в.: опыты компаративного анализа в историографии

С. И. Быкова

Уральский государственный университет

События и процессы, происходившие в СССР и Третьем рейхе, продолжают оставаться предметом особого внимания науки и общества до сих пор. Новый импульс активного обсуждения исторического прошлого Германии и России был обусловлен важнейшими геополитическими изменениями 1990-х гг. – исчезновением Советского Союза и воссозданием единого немецкого государства. В результате появилась возможность интенсивных культурных связей и интеллектуального общения. В первую очередь ученые обратили внимание на исследования исторических трагедий XX в., пережитых народами: опыт немцев во времена нацизма, включая проблему геноцида, и ранний советский период с акцентом на событиях, ранее не изучавшихся (в частности, массовые репрессии).

Представляется, что весьма интересным может быть сравнительное описание интерпретаций политической и культурной ситуации в этих странах, даваемое интеллектуалами-современниками 1930-х гг. и учеными последних десятилетий XX – начала XXI в.

Интеллектуальная элита Запада имела противоречивые представления о Советском Союзе и Третьем рейхе. Многие воспринимали СССР как страну, в которой творится будущее и осуществляется социалистическая мечта¹. Однако наиболее распространенным было критическое отношение и к советской России, и к нацистской Германии, которые воспринимались современниками как диктатуры. В частности, немецкий философ О. Шпенглер, осуждая господство одной партии, которой принадлежит вся полнота власти, и методы политической борьбы, применяемые нацистами и большевиками, называет оба государства Ордой².

Писатель Томас Манн в своей дневниковой записи 27 марта 1933 г. оценивает политическую победу национал-социалистической партии в Германии как антидемократический переворот, имевший прецеденты в России и Италии. Он характеризует нацизм как

немецкий большевизм. Позднее писатель обращает внимание на сходство ритуалов: «Посты СА перед Фельдхерренхалле, неподвижные, как статуи, беззастенчиво копируют русских часовых перед мавзолеем Ленина». Т. Манн утверждает, что национал-социализм и коммунизм являются родственными и тождественными явлениями: «Они принадлежат к одному стилю времени, и это имеет гораздо большее и определяющее значение, чем рациональная вражда в философской сфере... Оба феномена являются выражением одной и той же исторической реальности, одной и той же политики...»³ Данная писателем характеристика парадоксальным образом получила подтверждение в словах Адольфа Гитлера. В одном из своих выступлений весной 1934 г., настаивая на незамедлительном приеме в НСДАП бывших коммунистов, он заявил: «...то, что нас связывает с большевизмом, гораздо больше того, что разделяет»⁴.

Именно в этот период, осознавая тождество политических систем в СССР и Третьем рейхе, ученые начинают использовать термин «тоталитаризм». В частности, уже в 1934 г. авторы статьи «Государство» в *Encyclopedia of the Social Sciences* применяют данный термин⁵. Русский философ Г. Федотов, анализируя процессы, происходящие в СССР и Германии, считает возможным их сравнение. В статье «Сталинокрапия», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1936 г., он характеризует сталинский режим как национал-социалистический, используя такие термины, как «тоталитарность» и «тоталитарная власть»⁶. В статье «Письма о русской культуре», написанной в 1938 г., Г. Федотов называет Советский Союз «тоталитарным государством»⁷.

В дискуссиях, начавшихся во Французском философском обществе после доклада Эли Алевиза «Эра тираний» в 1936 г., это определение стало одним из самых популярных. Идея о тождестве большевизма и фашизма, высказанная Э. Алевизом, поддерживается многими учеными, в том числе Марселем Моссом⁸.

Американское философское общество в 1940 г. проводит университетский коллоквиум на тему «Тоталитарное государство». В выступлениях, имевших высокий теоретический уровень, были высказаны многие ценные идеи, которые позднее приписывались Францу Нейману и Ханне Арендт. Особенно интересным был до-

клад профессора Колумбийского университета Нарлтона Хейеса «О новизне тоталитаризма в истории Запада», посвященный анализу развития СССР и Германии⁹.

Как правило, в этих оценках доминировали политические аспекты, главное внимание уделялось лидерам – И. Сталину и А. Гитлеру, на которых возлагалась ответственность за уничтожение демократии и насилие¹⁰. Однако некоторые современники пытаются понять феномен массовой поддержки коммунистической и расистской идеологий, обращая внимание на изменение системы ценностей и настроений в России и Германии. В частности, нидерландский историк Й. Хейзинга считает характерными чертами и советского гражданина, и нациста политическую аморальность, коллективизм, лояльное отношение к государству, стремление к героизму во имя священной миссии, несмотря «на различие в цвете рубашек и форме приветственных жестов»¹¹. Фр. Боркенау также называет моральный нигилизм главной особенностью обеих систем¹².

Г. Федотов отмечает, что «новые революции в Италии, Германии и России создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти»¹³. Он подчеркивает, что культ вождей чрезвычайно благоприятен для культуры подлости, характерными показателями которой становятся доносы и интриги. В результате «в России, как и в Германии, бесчеловечие является законом жизни»¹⁴. Русский мыслитель анализирует эволюцию системы ценностей и формирование нового человека. Он прослеживает изменения в культуре немецкого народа, происходившие с 1870 г.: от преданного мечтам и музам, наивного Михеля, ставшего в эпоху империи практичным, трезвым, с волевым упорством и методичностью создававшего великую науку и индустрию, к фантазеру 1930-х гг., презирающему интеллектуальный труд и живущему пафосом войны. Г. Федотов указывает, что подданные Третьего рейха взяли от отцов только «волю к власти» и от дедов – романтику иррационального¹⁵. Увлеченность немцев мистикой войны подчеркивает в своих работах 1938–1939 гг. французский ученый Роже Кайуа¹⁶.

Характеризуя советского человека, созданного революцией 1917 г., Г. Федотов указывает, что «юный строитель социализма»

совершенно не похож на предков: «...кровь и жестокость окружающей жизни не мешают ему наслаждаться своей молодостью, сознанием силы и радостью творческого труда»; такие качества, как совесть и гуманность для него рудиментарны. По этой причине русский философ называет «новых господ жизни» нравственными чудовищами¹⁷.

В современных гуманитарных исследованиях по проблемам нацизма и советского государства одним из наиболее дискуссионных вопросов остается вопрос индивидуальной и коллективной ответственности за исторические трагедии 1930–1950-х гг. Несмотря на значительную историографическую традицию в изучении данной темы, в последнее время ученые открывают новые, иногда неожиданные аспекты, позволяющие изменить представление об этих исторических феноменах. Принципиально значимым является стремление исследователей реконструировать психологическую, интеллектуальную и моральную атмосферу, в которой стало возможным согласие между властью и гражданами.

В центре внимания ученых – особый тип социальных связей, включавший каждого человека в новую культуру. Одной из таких форм называются военные союзы, объединявшие юношей и мужчин. Впервые на значимость этих союзов обратил внимание в 1930-е гг. М. Мосс. Он признал, что такая форма социального действия, как «мужское общество» характерна для архаической культуры и является отсталой, но она удовлетворяет потребность в тайне, во влиянии, в молодости и традиции¹⁸. Современные исследователи, изучая этот культурно-социальный феномен, отмечают его влияние на формирование особого героического типа мужчины-воина, противопоставленного бюргеру¹⁹. Романтика и мистика, являвшиеся неотъемлемыми атрибутами «мужского союза», были особенно привлекательны для молодых людей. Современные немецкие исследователи Б. Хауперт и Ф. Й. Шефер рассмотрели данный феномен на примере судьбы обычного крестьянского парня в книге «Молодежь между крестом и свастикой. Реконструкция биографии как история повседневности фашизма»²⁰.

В современной немецкой историографии одним из самых дискуссионных вопросов остается вопрос об участии вермахта в преступлениях против гражданского населения. В течение нескольких

десятилетий считалось, что ответственность за данные акции, как и в целом за военные действия, несет только А. Гитлер. Однако конкретные данные исследований последних лет показывают не только активное выполнение войсками преступных приказов, но и проявление инициативы генералами и офицерами²¹.

Историки пытаются осмыслить причины принятия немцами идеалов национал-социализма и выявить механизмы превращения нормального человека в соучастника или организатора преступлений. Используя богатый фактический материал и новые данные, ученые анализируют настроения и политическое поведение представителей разных социальных групп – офицерства, интеллектуальной и творческой элиты, рабочих, предпринимателей, молодежи, бывших фронтовиков, верующих и священнослужителей²².

А. Людке, сосредоточив свое внимание на трудовой этике немецких рабочих, сделал вывод, противоречащий прежней историографии и исключая романтические полутона. Он утверждает: «Своеволие (Eigensinn) соотносится не только с проявлениями благих намерений и практических действий у большинства рабочих – оно соотносится также с действиями и поведением, которые нельзя расценить иначе, как явно человеконенавистнические, наполненные презрением к другим...» Исследователь на конкретных примерах показывает, что многие поступки мотивировались желанием видеть другого страдающим и униженным. А. Людке подчеркивает, что в период 1933–1945 гг. большинство рабочих считали главной целью выживание и использовали для этого все возможности, в том числе дистанцирование. Однако именно такая позиция помогала укреплению режима, «являясь широкой сферой компромиссов с нацизмом и его требованиями, своего рода угодливым соглашением, обеспечивавшим режиму свободное пространство маневра». Автор заканчивает свою статью предложением, которое звучит как приговор нации: «Благодаря такой тактике дистанцирования отдельные случаи сопротивления... не имели реальной силы»²³.

Ю. Мадор, анализируя обыденное и политическое сознание немецких рабочих, обращает особое внимание, как и другие исследователи, на эволюцию мировоззрения начиная с конца XIX в. Он отмечает, что наряду с распространением «страсти к знанию» и оптимизмом, который определялся верой в прогрессивное значе-

ние науки и техники, ожиданием социализма как общества справедливости, для рабочих была характерна лишь иллюзия научного понимания мира, а также пессимизм, отчаяние, недовольство. Исследователь подчеркивает, что представления о прекрасном будущем не могли спасти от нигилизма и моральной деградации. Поражение Германии в Первой мировой войне способствовало активизации примитивных психологических комплексов населения (в том числе стремления найти «предателей» и «врагов»). Автор указывает, что в период Веймарской республики в среде рабочих сохраняется невежественность и усиливается недоброжелательное отношение к другим нациям; патриотическая риторика скрывает моральную безответственность и демонстрирует агрессивность. Рабочие, ориентировавшиеся на либеральные ценности и пацифизм, составляли меньшинство. Ю. Мадор напоминает высказанное М. Блоком сожаление об отсутствии у современников исторических знаний, которые могли бы спасти республику и избежать мировой катастрофы²⁴.

Профессор Гарвардского университета Фритц Рингер рассматривает настроения, характерные для немецкой академической элиты. Автор обращает внимание на особое положение этой социальной группы – ее представители были одновременно и свободными учеными, и государственными служащими с уникально высоким статусом. Несмотря на неоднородность позиций, по мнению Ф. Рингера, ученые сохраняли определенные «привычки ума», устойчивые мотивы и темы, повторявшиеся в различных дисциплинах, в том круге понятий и проблем науки, которые эффективно препятствовали выработке рациональных политических решений, приспособлению академического сообщества к новым реалиям общественно-политической жизни и активно способствовали дискредитации Веймарской республики²⁵.

Исполненные идеализма хранителей культуры, с характерными для них консерватизмом и верой в прогресс знания, ученые борются за институциональные и эпистемические власть и статус. Опасаясь потерять политическое и интеллектуальное влияние, они отвечают не только интригами, но и теориями, которые, будучи высказаны авторитетными голосами, становятся социальной силой в жизни своего времени. Ф. Рингер, размышляя о судьбе академи-

ческой элиты Германии в 1920–1930-е гг., делает вывод: «...Она пронесла с собой часть своего величия вплоть до глубины своего падения. Она в конечном итоге была разрушена в той же степени внешними условиями, в какой и собственными прегрешениями... Исходно вдохновляющее воззрение было искажено и коррумпировано, в то время как безответственность заняла его место. Под огромным давлением интеллектуальные причуды и слабости стали пороками. И в этом смысле упадок немецких мандаринов был не мелодрамой, но настоящей трагедией»²⁶.

А. Людке, подводя итоги исторических исследований в ФРГ за последние десятилетия XX в., отметил: «Изучение истории повседневной жизни демонстрирует истинные масштабы поддержки и преданности, которые оказывали нацистскому режиму самые “обыкновенные люди” в их стремлении “выжить”... При таком подходе сокращается резкая грань между теми, кто нравил, и теми, кем правили...» А. Людке подчеркивает самое главное – в Германии меняется представление о том, что историческая вина лежит только на лидерах. Выполняя приказы, активными становились практически все (в том числе чиновники, медицинский персонал, полицейские и рядовые служащие вносили свой профессиональный вклад в массовое уничтожение людей, совершая постоянно и повсеместно бесчисленные жестокости по отношению к евреям, славянским народам, цыганам, гомосексуалистам, проституткам, калякам, иностранным рабочим)²⁷.

Немецкие историки смогли реализовать несколько крупных исследовательских проектов по изучению локальной и региональной истории повседневности и репрессий в годы существования Третьего рейха. В частности, это программы Ганноверского университета и Университета Касселя, проекты «История повседневной жизни и социальные структуры в Рурской области» (под руководством профессора Л. Нитхаммера) и «Бавария во времена национал-социализма»²⁸. Осуществив кропотливую реконструкцию «обыденного презрения» к иностранным рабочим, исследователи показали, как чувство национального превосходства и бытовой расизм, смешиваясь со страхом и подобострастием, превращали многих немцев в активных творцов исторической трагедии.

К осмыслению тождественности исторических трагедий, происходивших в Германии и России в 1920–1930-е гг., российские ученые возвращаются только лишь в последнее десятилетие XX в., используя теоретические и методологические основы современного гуманитарного знания, опыт зарубежной историографии. Однако общество испытало интеллектуально-эмоциональный шок после «эвристического бума» конца 1980 – начала 1990-х гг. Публикации новых документов и исследований, позволившие лишь частично ретушировать «белые пятна» и приоткрыть «тайные страницы» советской истории, вызвали желание забыть о трагедиях XX в. и обратиться к эпохам и сюжетам, предоставлявшим возможность найти в прошлом основания для надежды и оптимизма, необходимого в настоящем и будущем.

Значительное влияние на профессиональную идентичность оказала методологическая растерянность, вызванная знакомством с тсориями и методиками исследований мировой гуманитарной науки. Были утрачены иллюзии в истинность единственной парадигмы, способной объяснить историю. Некоторое время историки советского периода имели возможность использовать тоталитарную модель в качестве методологической основы. Для многих из них такой вариант являлся возможностью возвращения в «мир прежних уверенностей»²⁹, ибо требовалось лишь изменить оценочные акценты. Индивид, как и прежде в советской историографии, не признавался субъектом исторической деятельности. Тем не менее конкретные исследования повседневной жизни и политической практики советских людей не позволяли дать однозначных ответов на многие важные вопросы. В результате возникли непреодолимые разногласия между «тоталитаристами» и «нонтоталитаристами»³⁰. Ю. И. Грицкий высказал предположение, что дискуссия будет продолжаться очень долго, ибо ученые пытаются дать ответы на «вечные» вопросы – о ценности жизни и личности человека³¹.

Однако «спор историков», аналогичный немецкому, не состоялся. Вероятно, российским ученым следует осмыслить опыт историографии ФРГ, занимавшейся изучением истории нацизма. После многолетних дискуссий о причинах массовой поддержки национал-социалистической идеологии и власти А. Гитлера немецкие ученые признали ограниченность концепции тоталитаризма для описания

истории Германии в 30–40-е гг. XX в. Более того, теория тотализма была признана мифом, не позволяющим найти действительно научные объяснения историческим процессам, приведшим к утверждению нацизма³².

К сожалению, политическая и интеллектуальная ситуация в России принципиально отличается от тенденций, характерных для Западной Германии. Несмотря на огромное количество статей и монографий, изданных в последние годы, по мнению В. П. Булдакова, в отечественной науке сохраняется «боязнь посмотреть в зеркало исторического прошлого» и по этой причине преобладает «историография уклонения», не позволяющая выяснить роль отдельной личности в событиях 1917–1930-х гг.³³ С. В. Оболенская и А. И. Борозняк считают исторически важным для российского общества решиться на «мужество вопрошания» о прошлом³⁴. Исследователи отмечают, что попытки изменить сформировавшуюся традицию вызывают негативную реакцию³⁵. Историки, культурологи и философы констатируют, что с конца 1990-х гг. одной из характерных черт политической практики, культуры, массового и профессионального исторического сознания становится «ностальгия по советскому»³⁶. Такие ученые, как Ю. А. Поляков, И. В. Павлова и А. Ф. Васильев с тревогой отмечают появление политически ангажированных исторических работ (в том числе апологетических трудов об И. Сталине)³⁷. Именно по этой причине необходимо исследовать настроения и убеждения представителей первых советских поколений, определить степень взаимодействия индивидуального политического сознания с общественным мнением и официальной идеологией, показать влияние иллюзий и заблуждений на судьбы отдельных людей и народа.

О необходимости изучения причин происходившего, о роли индивидуальных стремлений и поступков отдельного человека в истории страны писал М. Мамардашвили, предупреждая о возможном повторении трагедии, если общество не расстанется с иллюзиями своей невиновности в случившемся³⁸.

Однако, несмотря на сохраняющееся желание иметь комфортную интерпретацию прошлого, появляются работы, ориентированные на изучение мотивов поведения и моральных приоритетов

населения России в 1930-е г.³⁹ В заключение следует выразить надежду, что новая историографическая традиция – изучение повседневного существования и мировоззрения обычных участников исторических событий – будет развиваться и значительно изменит представления о прошлом, ранее включавшие лишь властный дискурс и рассмотрение «вертикали» социальных отношений.

¹ См.: *Финкельдейн Б.* Лучший из миров. Херварт Вальден и Советский Союз // Москва – Берлин / Berlin – Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино. Москва; Берлин; Мюнхен, 1996. С. 51–54; *Куликова Г. Б.* СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечествен. история. 2001. № 1. С. 4–24; *Туполева Л. Ф.* Веббы и Россия // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 210–212; *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 183–184, 299–300.

² См.: *Патрушев А. И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 138–142.

³ Цит. по: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. С. 233, 586.

⁴ Цит. по: Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ *Федотов Г. П.* Сталинокрапия // Мыслители русского зарубежья. Бердяев. Федотов. СПб., 1992. С. 342, 343, 347.

⁷ *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // Мыслители русского зарубежья... С. 398.

⁸ См.: *Гинзбург К.* Германская мифология и нацизм. Об одной старой книге Жоржа Демюзиля // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М., 2004. С. 260–261; *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. С. 347.

⁹ См.: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. С. 626.

¹⁰ См.: *Юнг К. Г.* Диагностируя диктаторов (интервью, взятое Х. Никербоке-ром в 1938 г.) // Одайник В. Психология политики. М., 1991. С. 344–361; *Федотов Г.* Письма о русской культуре. С. 401; *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. С. 320–321.

¹¹ *Хейзинга Й.* Диагноз нашего времени // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 308, 327.

¹² См.: *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. С. 626.

¹³ *Федотов Г.* Письма о русской культуре. С. 400–401.

¹⁴ *Федотов Г.* Тяжба о России // Мыслители русского зарубежья... С. 367–368.

¹⁵ См.: *Федотов Г.* Письма о русской культуре. С. 399.

¹⁶ См.: *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 283–285.

¹⁷ См.: *Федотов Г.* Письма о русской культуре. С. 397; *Федотов Г.* Тяжба о России. С. 366–367.

¹⁸ См.: *Гинзбург К.* Германская мифология... С. 261.

¹⁹ См.: *Нагорная О. С.* Экстернализация военного опыта как попытка преодоления кризиса мужской идентичности (германское общество до и после Первой мировой войны) // *Человек и война. Война как явление культуры.* М., 2001. С. 352–353.

²⁰ См.: *Оболенская С. В.* Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1996. С. 135.

²¹ См.: *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого. М., 1999. С. 29–30; 230–248; *Он же.* Так разрушается легенда о «чистом вермакте» (Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза) // *Отечеств. история.* 1997. № 3; *Он же.* Начало преодоления «тотальной бесчеловечности» (по письмам немецких солдат из Сталинградского окружения) // *Человек и война...* С. 111–125.

²² См.: *Бровко Л.* Конформизм и конфронтация: христианские церкви и нацистское государство // *Свободная мысль.* 1993. № 12; *Буллок А.* Гитлер и Сталин: сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1998. Т. 1–2; *Млечина И.* Уроки немецкого: век XX. М., 1994; *Эксле О.* Немцы не в ладу с современностью // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1996. С. 213–235; *Борозняк А. И.* Историки ФРГ о нацизме // *Новая и новейшая история.* 1997. № 1; *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Немецкое академическое сообщество, 1890–1933 (избранные главы) // *Новое лит. обозрение.* 2002. № 1. С. 105–158; *Хряков А.* Историки при национал-социалистах: жертвы, попутчики или преступники? (К оценке современных дебатов в немецкой исторической науке) // *Новое лит. обозрение.* 2005. № 74. С. 47–66.

²³ *Людтке А.* Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // *Конец рабочей истории? / Под ред. М. ван дер Линдена.* Амстердам; Москва, 1996. С. 63–129.

²⁴ См.: *Мадор Ю. П.* Немецкий рабочий: образ мира и общества // *Одиссей. Человек в истории. Представления о власти.* М., 1995. С. 170–191.

²⁵ См.: *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов... С. 105.

²⁶ *Александров Д. А.* Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // *Новое лит. обозрение.* 2002. № 1. С. 91–92.

²⁷ См.: *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: Ежегодник, 1998/99.* М., 1999. С. 78–80.

²⁸ См.: *Людтке А.* Что такое история повседневности?... С. 78; *Оболенская С. В.* «История повседневности» в историографии ФРГ // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1990. С. 187–192; *Борозняк А. И.* Искупление вины... С. 94.

²⁹ *Ханаева Д.* После интеллектуалов // *Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре.* М., 2005. С. 370.

³⁰ См.: *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Жилищный вопрос в быту ленинградской партийной и советской номенклатуры 1920–1930-х гг. // *Вопр. истории.* 2001. № 4. С. 98.

³¹ *Игрицкий Ю. И.* Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // *Отечеств. история.* 1999. № 3. С. 121.

³² См.: *Борозняк А. И.* Историки ФРГ о нацизме // *Новая и новейшая история.* 1997. № 1. С. 67; *Он же.* «Третий рейх» в современной историографии ФРГ // *Вопр. истории.* 1999. № 10. С. 156; *Он же.* Искушение вины... С. 66–67.

³³ См.: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 6, 7.

³⁴ См.: *Оболенская С. В.* Некто Йозеф Шефер... С. 135; *Борозняк А. И.* Искушение вины... С. 263–269.

³⁵ См.: *Александров Д. А.* Фритц Рингер, немецкие мандарины... С. 104.

³⁶ См.: *Орлов Б.* Между двумя тоталитаризмами: портрет публициста и его времени (В. Леонхард) // *Германия и Россия: события, образы, люди.* Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 203; *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 295–301; *Янковская Г.* Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии.* Челябинск, 2004. С. 347, 349; *Эткинд А.* Столетняя революция // *Отечеств. зап.* 2004. № 5. С. 45.

³⁷ См.: *Поляков Ю. А.* Почему история нас не учит? // *Вопр. истории.* 2001. № 2; *Васильев А. Ф.* Новая попытка реабилитации Сталина и сталинизма // *Там же*; *Павлова И. В.* Власть и общество в СССР в 1930-е годы // *Вопр. истории.* 2001. № 10.

³⁸ См.: *Мамардашвили М.* Возможный человек // *Человек в зеркале наук.* Л., 1991. С. 10, 17.

³⁹ См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижне-Тагильском регионе Урала (1920–1950-е годы). Нижний Тагил, 1996; *Tagebuch aus Moskau, 1931–1939.* München, 1996. S. 9–73; *Хелльбек Й.* Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // *Крайности истории и крайности историков.* М., 1997. С. 195–207; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998; *Миф в культуре: человек – нечеловек.* М., 2000; *Анализ практик субъективизации в раннесталинском обществе* // *Ab Imperio.* 2002. № 3. С. 209–417; *Быкова С. И.* Между прошлым и будущим: повседневность 1930-х годов в интерпретации современников // *Образы власти в политической культуре России.* М., 2000. С. 168–192; *Она же.* Урал на новом этапе «социалистической модернизации» (1928–1939) // *Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь.* Екатеринбург, 2000. С. 87–122; *Она же.* Политические представления советских людей в 1930-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Она же.* Представления уральцев о масштабах и причинах массовых репрессий в 1930-е гг. // *Россия в XX веке: История и историография.* Екатеринбург, 2004. С. 133–145; *Она же.* О некоторых аспектах «горизонтального террора» в 1930-е гг. // *Урал индустриальный: Бакунинские чтения.* Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 308–314; *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага.* М., 2005. С. 7–79.